

Вопросы теории языка и грамматики

УДК 81-112.2 (045)

Ю.А. Левицкий

РАЗВИТИЕ И ОФОРМЛЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ МАТЕРИИ

Язык характеризуется наличием субстанции и формы. Субстанция – это, с одной стороны, звуки, а с другой – представления и понятия. В начале возникает некий неопределенный звук, связанный с неясным общим представлением. Развитие звуковой субстанции происходит за счет постепенного увеличения количества звуков, развитие ментальной субстанции – за счет постепенного выделения компонентов этого общего представления. Форма определяется как способ соединения в языковых единицах двух этих субстанций, специфичный для каждого отдельного языка. В. фон Гумбольдт обозначил это явление как внутреннюю форму языка.

Ключевые слова: субстанция языка, представления, понятия, внутренняя форма языка.

Вопрос о соотношении материи и формы в языке рассматривался в работах Вильгельма фон Гумбольдта, Фердинанда де Соссюра и Луи Ельмслева. Под материей (субстанцией) языка понималась, с одной стороны, вся совокупность звуков, а с другой – вся совокупность мыслей, ощущений и т.п. в каждом конкретном языке на эту материю накладывалась соответствующая форма, которая и определяла специфику данного языка.

По словам Гумбольдта, «действительная материя языка – это, с одной стороны, звук вообще, а с другой – совокупность чувственных впечатлений и произвольных движений духа, предшествующих образованию понятия, которое совершается с помощью языка» [1. С. 73].

Аналогичные идеи высказываются и у Соссюра: «В психологическом отношении наше мышление, если отвлечься от выражения его словами, представляет собою аморфную, нерасчлененную массу... Взятая само по себе, мышление похоже на туманность, где ничто четко не разграничено. Предустановленных понятий нет, равным образом как нет никаких различий до появления языка... Звуковая субстанция не является ни более определенной, ни более устоявшейся, нежели мышление. Это – не готовая форма, в которую послушно отливается мысль, но пластичная масса, которая сама делится на части, способные служить необходимыми для мысли означающими» [7. С. 144].

Попытаемся выяснить, как же происходило возникновение и развитие языковой материи.

Как известно, в начале было слово, и слово было у Бога, и слово было Бог. Итак, слово было у Бога. А у человека?

Процесс возникновения нового слова интересовал мыслителей еще в античности. Ученые считали, что, образуя слово, человек стремится к тому, чтобы оно было «прозрачным», понятным, а это станет возможным тогда, когда звучание слова будет каким-то образом напоминать о самом предмете, его характере, его сущности. Так, Платон иллюстрировал характер отражения сущности вещи в процессе образования «первых» имен следующим образом. Греческая буква «ро» (античные мыслители не проводили различия между звуком и буквой) хорошо подходит к порыву, движению, поскольку язык при произнесении «ро» приводится в сильное сотрясение, а буква «лямбда» соответствует чему-то мягкому, гладкому. Отсюда – наличие буквы «ро» в словах *gein* («течь») и *goe* («течение»), а буквы «лямбда» в словах *mel* («мед») и *lana* («шерсть»). Таким образом, здесь, по словам В. Томсена, мы в первый раз встречаем символику звуков, то есть Платона можно считать основоположником того направления, которое в современном языкознании называется звукосимволизмом [5. С. 134].

Позднее подобные соображения высказывали Г.В. Лейбниц, И.Г. Гердер и многие другие, причем в качестве примеров приводились обычно те же звуки, которые упоминал Платон. Эти же идеи мы встречаем также в работах современных психологов и психолингвистов. Так, в речи ребенка «первоначально слово представляется свойством вещи, неотъемлемой ее принадлежностью или же выражением вещи; оно имеет ту же “физиономию“, что и вещь» [6. С. 399]. «Ребенок ищет в слове образные элементы, и этот поиск является... базой овладения сущностью языка» [8. С. 8].

В этих и других подобных высказываниях речь идет о **слове**. А ведь слову нужно еще **научиться**. Г. Пауль считает: «Пока первобытный человек не заговорил, он, точно так же, как и новорожденный ребенок, не может произвольно образовать какой-либо членораздельный звук. Как и ребенку, ему тоже приходится сначала этому учиться и лишь постепенно, благодаря долгим и разнообразным упражнениям органов речи, у него, как и у ребенка, может наконец выработаться ассоциируемое со звуковым образом моторное ощущение речи, которое может в дальнейшем стать упорядочивающим фактором в его речевой деятельности» [4. С. 225,226].

Фонетическая структура первых звуков показывает, что, по существу, мы имеем дело не со звуком, а со слогом. Но здесь следует принять во внимание, что «в слоге заключены не два или несколько звуков, как мы их привыкли видеть на письме, а собственно лишь один произнесенный определенным образом звук. Разделение простого слога на гласный и согласный, если иметь в виду самостоятельные звуки, является искусственным. В действительности согласный и гласный взаимопределяют друг друга таким образом, что воспринимаются в неразрывном единстве» [1. С. 86]. «Вначале ребенок умеет связывать только **один** согласный с **одним** гласным, после чего это сочетание, как правило, удваивается. Именно такую форму имеют наиболее рано усваиваемые детские слова (папа, мама и т. п.)» [4. С. 227].

Первые слова ребенка больше всего напоминают междометия. Однако характер междометий может быть различным. Г. Пауль различает два типа междометий. Первые выражают только внутреннюю эмоцию [4. С. 218]. Второй тип междометий он относит к «ономатопоэтическим образованиям», которые относятся не только к внутренним эмоциям, но и к внешним явлениям. «Они представляют собой отвлеченную реакцию на внешние зрительные или слуховые раздражения... Кроме того, они употребляются для передачи воспоминаний об явлениях, вызывающих подобные внезапные раздражения, и для повествования о них. Я имею в виду слова типа нем. *paff* «паф! бух!», *patsch* «шлеп!», *blaff* «тяв-тяв!», *buff, puff* «пиф-паф!» [4. С. 219].

Что касается внутренней, содержательной стороны звука, то по этому поводу существует достаточно обширная литература, связанная с проблемами звуко-символизма, или фоносемантики. Я не стану останавливаться на всех этих, уже достаточно общеизвестных работах. Упомяну лишь одну из последних, написанную С.С. Шляховой, которая назвала свою книгу «*Тень смысла в звуке*» [9]. Попытаюсь лишь выяснить, как же появилась эта «тень».

В. фон Гумбольдт полагал, что «членораздельный звук характеризует лишь намерение и способность обозначить смысл, причем не смысл вообще, а смысл определенного представления мысленного образа» [1. С. 84,85]. По мнению В. Вундта, впечатления человека о вещи вызываются не просто чем-то увиденным им, а «осознанием свойств, ему в пользу служащих»... Человеческая речь, прежде чем быть осознанной людьми, должна была пройти некоторый предварительный, «физиологический» этап – этап эмоциональных криков, которые связывались с впечатлениями от воздействующих на человека вещей и становились их осознанием [10. С. 55].

Итак, в начале существования языка стоит не вполне еще четко артикулируемый звук, связанный не вполне четким содержанием, с «тенью смысла». Именно это первоначальное единство и можно было бы назвать **протознаком**.

Каково же было содержание этого протознака?

Как это ни странно, первая оригинальная идея по поводу этого принадлежит английскому экономисту Адаму Смиту. Он писал о «глобальном» значении первоначальных слов, каждое из которых само по себе выражало целостное событие, – идею, к которой психология пришла только в последнее время. Лишь тогда, когда таких слов накопилось немало и явственно обозначилась угроза беспредельного роста словаря, был найден выход в виде расщепления событийных слов на их абстрактные, или, как выражается Смит, «метафизические» составные элементы. Образуются слова, которые сами по себе выражают уже не целостные события, а их отдельные стороны. Возникают слова, категориально специализированные в той или иной «научной функции», – существительные, прилагательные, местоимения, глаголы. В результате сращения таких слов с местоимениями, предлогами и другими вспомогательными элементами постепенно формируется система склонения и спряжения. Разделение функций между отдельными типами слов приводит к образованию разветвленной системы склонения и спряжения. Такое разделение функций между классами слов делает систему языка, по Смиту, более гибкой и когерентной [3. С. 705].

Следовательно, развитие языковой системы происходило в виде увеличения, с одной стороны, количества произносимых звуков, а с другой – количества выражаемых ими смыслов. Это развитие осуществлялось по-разному. Увеличение количества звуков обуславливалось совершенствованием артикуляционного аппарата, что позволяло создавать новые звуки и четко противопоставлять их друг другу. Увеличение же количества смыслов происходило, вероятно, путем расчленения первых неопределенных представлений на составляющие их компоненты, для выражения которых уже появлялось достаточное количество звуков и их сочетаний. Таким путем происходило развитие системы плана выражения и системы плана содержания. Однако это развитие происходило в своеобразном взаимодействии материи и формы, в процессе оформления языковой материи.

По словам В. фон Гумбольдта, «в абсолютном смысле в языке не может быть никакой не-оформленной материи, так как все в нем направлено на выполнение определенной цели, а именно на выражение мысли, причем работа эта начинается уже с первичного его элемента – членораздельного звука, который становится членораздельным благодаря приданию ему формы. [1. С. 72].

«Специфическая роль языка в отношении мысли заключается не в создании материальных звуковых средств для выражения понятий, а в том, чтобы служить посредствующим звеном между мыслью и звуком, и притом таким образом, что их объединение неизбежно приводит к обоюдному разграничению единиц. Мысль, хаотичная по природе, по необходимости уточняется, расчленяясь на части. Нет, таким образом ни материализации мыслей, ни "спиритуализации" звуков, а все сводится к тому, в некотором роде таинственному явлению, что соотношение "мысль – звук" требует определенных членений и что язык вырабатывает свои единицы, формируясь во взаимодействии этих двух аморфных масс... В языке нельзя отделить ни мысль от звука, ни звук от мысли; этого можно достигнуть лишь путем абстракции, что неизбежно приведет либо к чистой психологии, либо к чистой фонологии. Лингвист, следовательно, работает в пограничной области, где сочетаются элементы обоего рода; *это сочетание создает форму, а не субстанцию*» [7. С. 144,145].

Свое завершение учение о форме и субстанции в языке получило в концепции Ельмслева. «Определенное выражение есть выражение постольку, поскольку это выражение содержания, а содержание является содержанием постольку, поскольку это содержание выражения. Поэтому, за исключением случаев искусственной изоляции, не может быть содержания без выражения и выражения без содержания» [2. С. 307]. «Если мы сохраним терминологию Соссюра – и будем исходить именно из его предположений, – станет ясным, что субстанция зависит от формы в такой степени, что существует исключительно благодаря ей и никоим образом не имеет независимого существования» [2. С. 308].

Одно и то же содержание, одна и та же мысль в разных языках оформляется по-разному. Ельмслев иллюстрирует это положение путем сравнения форм, выражающих содержание «не знаю» в ряде языков:

jeg véd det ikke	(датск.)
I do not know	(англ.)
je ne sais pas	(франц.)
en tiedä	(финск.)
naluvara	(эским.)

Расположение, расчленение материала осуществляется следующим образом:

«в датском: сначала jeg «я», затем véd «знаю» (настоящее время, изъявительное наклонение), затем объект det «это», затем отрицание ikke;

в английском: сначала I «я», затем глагольное понятие, которое не выражено определенно в датском предложении, затем отрицание и только тогда понятие «знать» (но ни в коем случае не понятие, соответствующее датской форме настоящего времени изъявительного наклонения véd; и без дополнения);

во французском: сначала je «я», затем ne – вид отрицания (которое, однако, совершенно отличается от датского и английского, так как оно не имеет значения отрицания во всех комбинациях), затем «знать» (наст. вр. изъявит. накл.) и, наконец, особый специальный знак, называемый некоторыми отрицанием, но могущий означать также «шаг»; как и в английском, дополнение отсутствует;

в финском сначала идет глагол, означающий «я – не» (или, точнее, «не я», так как знак для «я» стоит последним; отрицание в финском языке является глаголом, изменяющимся по лицам и числам:

еп «я – не», ет «ты – не», еі «он – не», емте «мы – не» и т.д.), а затем понятие «знать» в форме, имеющей значение императива в других сочетаниях; дополнение отсутствует;

в эскимосском «не-знающий-есмы-я-это» – глагол, образованный от *palo* «невежество» с суффиксом для первого лица субъекта и третьего лица объекта.

Итак, мы видим, что неоформленный материал, извлеченный из всех этих лингвистических цепей, различно формируется в каждом из языков... Таким образом, в лингвистическом содержании, в его процессе, мы устанавливаем специфическую форму, **форму содержания**, которая независима от произвола в отношении к **материалу**, и формирует его в **субстанцию содержания»** [2. С. 309,310]. (Автор сравнивает языковую материю с песком, который может принимать различные формы, или с облаком, которое постоянно меняет свои очертания на глазах Гамлета.)

Под воздействием образующей языковой формы на материю в каждом конкретном языке происходит образование основных языковых единиц, специфическое для каждого языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
2. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1.
3. Кацнельсон С.Д. Концепция лингвистической типологии Адама Смита // Категории языка и мышления. Из научного наследия. М., 2001.
4. Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960.
5. Перельмутер И.А. Платон // История лингвистических учений. Древний мир. Л., 1980.
6. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб., 2002.
7. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.
8. Шахнарович А.М. Детская речь в зеркале психолингвистики. М., 1999.
9. Шляхова С.С. Тень смысла в звуке: Введение в русскую фоносемантику. Пермь, 2003.
10. Якушин Б.В. Гипотезы о происхождении языка. М., 1984.

Поступила в редакцию 22.03.10

Yu.A. Levitsky, doctor of philology, professor

Development and formation of language substance

Language is characterized by its substance and its form. The substance consists, on the one hand, of sounds and on the other, of concepts – psychological and logical. In the beginning some indefinite sound appears which is connected with some vague general notion. The development of sound substance is realized as gradual growth of the number of sounds, the development of mental substance as gradual dividing of the general notion into its components. The form is understood as a specific of each language way of combining the two substances. W. von Humboldt defined that specific way as the inner form of a language.

Keywords: substance of language, ideas, concepts, internal form of language.

Левицкий Юрий Анатольевич, доктор филологических наук, профессор
Пермский государственный педагогический университет
614000, Россия, г. Пермь, ул. Пушкина, д. 42
E-mail: levit@psu.ru